

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
Смоленский государственный университет

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Ученые записки Смоленского государственного университета

Выпуск 19

Смоленск

2019

УДК 37.014
ББК 74.04 (2)
Р 89

*Печатается по решению редакционно-издательского
совета Смоленского государственного университета*

Русская филология. Ученые записки Смоленского государственного университета: межвузовский сборник научных статей. Вып. 19 / отв. ред. М.Л. Рогацкина, А.В. Радионова – Смоленск: Изд-во СмолГУ. 2019. – 462 с.

ISBN 978-5-906598-35-6

В сборнике представлены ставшие уже традиционными разделы, посвященные исследованиям: русской литературы – поэзии и прозы XIX – XXI веков; истории зарубежной литературы; русско-зарубежных литературных связей; истории журналистики; теории текста; теории стиха; литературы Смоленской земли; а также архив.

Издание включено в каталог изданий, входящих в ведущую систему индексов цитирования (РИНЦ).

Виньетка на титуле выполнена Е.К. Школяренко по мотивам гравюры Сандерса с рисунка С. Тончи на фронтиспise «Анакреонтических песен» Г.Р. Державина (СПб., 1804).

Научное издание

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Ученые записки Смоленского государственного университета

Выпуск 19

Подписано в печать 18.12.2019.

Формат 60х90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 28,88. Тираж 500 экз. Заказ № 536.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура «Times».

УДК 37.014
ББК 74.04 (2)

ISBN 978-5-906598-35-6

© Авторы, 2019

© Смоленский государственный университет, 2019

Ю.С. Базылева

*Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия
УДК 821.9*

**«ВЫРВАТЬ У ЗАБВЕНИЯ КУСОЧЕК ЖИЗНИ»:
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ ФИЛОЛОГОВ
(на основе «Романа одной жизни» В.С. Баевского)**

Ключевые слова: *В.С. Баевский, «Роман одной жизни», литературный портрет, дневник, мемуары.*

В статье анализируется творческое наследие профессора Смоленского государственного университета В.С. Баевского (1929–2013). На основе части «Филологи» «Романа одной жизни» Баевского впервые предпринята попытка систематизации и анализа литературных портретов ученых, современников смоленского филолога. Он создал литературные портреты Ю.М. Лотмана, Б.Я. Бухштаба, Л.Я. Гинзбург, С.А. Рейсера, А.В. Македонова, М.Л. Гаспарова. Портреты формируются на основе дневниковых записей Баевского, которые сделаны непосредственно после встреч с коллегами.

В статье кратко рассмотрена история и теория жанра литературного портрета. Намечены сходные для указанных литературных портретов композиционные блоки, отмечены те, что составляют исключение.

Внимание уделено и изобразительно-выразительным средствам, преобладающим на страницах третьей части «Романа одной жизни»: эпитетам, сравнениям, метафорам, аналогиям, афоризмам.

В наши дни все большую ценность и актуальность приобретают свидетельства современников XX–XXI вв. о пережитой ими эпохе, наиболее заметных представителях культуры указанного времени. Одну из главных ролей, на наш взгляд, в этом играют литературные портреты.

В истории русской литературы первая попытка литературного портретирования появилась в конце XVIII в. в творчестве Н.М. Карамзина, который открыл русскому читателю литературный портрет как жанр «критический» – «очерк жизни и творчества писателя». За ним следует В.Г. Белинский со статьями монографического характера, посвященными личности и творчеству ряда писателей (М. Кольцова, А. Пушкина, М. Лермонтова). Стоит отметить, что эти работы не были литературными портретами, но они подготовили условия для последующих теоретических размышлений.

Жанр литературного портрета многообразен в своих проявлениях. Одна традиция представляет его как разновидность писательской ме-

муарной литературы. Он стал объектом изучения в трудах таких исследователей, как Л.Я. Гинзбург [Гинзбург, 1977], В.С. Барахов [Барахов, 1985], Б.Ф. Егоров [Егоров, 1980]. Другой традицией он исследуется в русле публицистики писателей как особая форма синтеза документального и художественного материала: Журбина [Журбина, 1969], Поляков [Поляков, 1983]. М.Г. Уртминцева в своей монографии «Литературный портрет в русской литературе» среди «источников» литературного портрета указывает «литературные воспоминания русских писателей, в состав которых включаются очерки-портреты современников» [Уртминцева, 2005, 7].

Что же такое портрет? «Литературная энциклопедия терминов и понятий» определяет его как «описание либо создание впечатления от внешнего облика персонажа, прежде всего лица, фигуры, одежды, манеры держаться» [Николюкин, 1969, 762], а «Краткая литературная энциклопедия» дополняет – «документальный очерк о писателе, художнике, выдающемся общественном деятеле и т. д., созданный на основе собеседования с “героем”, или краткий мемуарный очерк о таком герое. Литературный портрет стремится к воссозданию целостного – физического, духовного, творческого – облика героя или к раскрытию лейтмотива, пафоса его жизни, иногда – в определенный отрезок времени» [Краткая литературная энциклопедия, 1962–1978, 895].

Расширяет сложившиеся представления о литературном портрете В.С. Барахов, который посвятил монографию анализу истоков, особенностей поэтики данного жанра. Он дает следующее определение: «Литературный портрет – это художественная целостная характеристика конкретного реального человека в форме мемуарного очерка, создающего представление о его индивидуально-неповторимом, живом облике, о его характере» [Барахов, 1985, 49].

В.С. Баевский, будучи человеком, активно включенным в творческий процесс современной ему литературной эпохи, оказался связан дружескими узами со многими людьми, причастными к филологии – будь то ученые, литературоведы или же писатели. Его воспоминания нашли отражение в «Романе одной жизни».

В настоящей статье мы предприняли попытку проанализировать одну из частей «Романа...» – «Филологи», в которую вошли шесть глав, представляющих собой литературные портреты Ю.М. Лотмана, Б.Я. Бухштаба, Л.Я. Гинзбург, С.А. Рейсера, А.В. Македонова, М.Л. Гаспарова, написанные Баевским в разные периоды своего творчества. Поводом обращения именно к этой части «Романа...» послужил следующий факт: «Филологи» посвящена ученым, чьи эстетические и научные позиции неразрывно связаны с творчеством самого Баевского. Целью филолога, на наш взгляд, было запечатлеть в памяти современников и потомков

воспоминания о тех людях, творчество которых пришлось на сложную, переходную эпоху.

Создавая портреты современников, Баевский опирался на свой архив – дневники и письма. В «Романе...» он так описывает источниковедческую базу своих воспоминаний, положенную в основу каждого портрета: записи, которые делал «далеко не регулярно, но, непременно на свежую память, в тот же день» [Баевский, 2007, 373]. На наш взгляд, портрет, созданный на основе дневниковых записей, становится достоверным, так как соотносится с фактами жизни.

Отметим, что, проанализировав данные литературные портреты, мы не выявили строгой композиционной структуры, которой следовал ученый. Это подтверждает точку зрения А.В. Громовой – «портрету свойственна свободная («мозаичная», «монтажная») композиция, основанная на чередовании сценок, зарисовок, диалогов и авторских разъяснений, обобщений и отступлений» [Громова, 2008, 108]. Композиция литературных портретов на самом деле напоминает мозаику, в которой можно выделить сходные, повторяющиеся в каждом из текстов элементы, но при этом каждый раз складывающиеся в разной последовательности.

Поэтому обратимся к указанной части «Романа...» и рассмотрим литературные портреты упомянутых персон, выделив как сходные, так и исключительные структурные блоки (целостная структура литературного портрета представлена в приложении к статье).

Начнем с заглавий – пять из них имеют «метафорическое название» с указанием имени (фамилии и инициалов) персоны, о которой идет речь, и лишь в одной первый элемент заголовка отсутствует, т. е. назван только фамилией. В книге «Литературный портрет конца XIX – первой половины XX века: внутрижанровая типология» сказано: «...вынесение имени героя статьи в ее заглавие является традиционно характерной жанровой чертой литературного портрета» [Затеева, 2016, 51]. Еще до обращения непосредственно к тексту портрета такие заголовки, как «Стоик. Л.Я. Гинзбург» или «Смоленский Сократ. А.В. Македонов», позволяют читателю составить первичное представление о личности человека, которому посвящен данный портрет.

Во всех рассматриваемых портретах ярко выражено стремление Баевского к фактографичности, т. е. установке на подлинность. Сам ученый комментирует это следующим образом: «...Что-то вспоминается, но о том, что не было в свое время записано, говорить нельзя: ошибки памяти и воображения неизбежны, воспоминания могут незаметно заменяться предположениями, а предположения – вымыслами» [Баевский, 2007, 398]. Отсюда заметны и различия: в литературном портрете Лотмана детали биографии ученого излагает Баевский (это пересказ рассказанного Лотманом); представлять свою биографию

ученый позволяет Бухштабу, «оставляя себе роль не столько хроникера, сколько комментатора» [Там же, 373] – рассказ от первоисточника с вкраплениями рассказчика-комментатора (по тому же принципу построены биографии Рейсера и Македонова). А в статье, посвященной Л.Я. Гинзбург, Баевский признается, что «может предложить лишь несколько штрихов к портрету, не более» [Там же, 399]. Причина этого ясна – несмотря на то, что со всеми шестью персонами Баевский был знаком лично, степень их близости, время общения, дружбы, были разной. В частности, одно из проявлений фактографичности в четко установленных в каждой статье деталях: сколько лет знаком Баевский и его портретируемый (когда и при каких обстоятельствах это произошло): *«Я познакомился с Б.Я. на большой научной конференции в Коломне под Москвой в феврале 1968 года»* [Там же, 372].

Указывается, сколько писем хранится в архиве Баевского и сколько дневниковых записей посвящено той или иной персоне: *«У меня хранится 35 писем Ю.М. (некоторые написаны совместно с З.Г.) и 23 письма З.Г. в Тарту и Ю.М. посвящено, как оказалось, 46 записей в моем дневнике»* [Там же, 339].

С особой тщательностью Баевский подходит к описанию своей библиотеки, куда он помещал все подаренные книги. Наиболее подробно это представлено в литературном портрете Гаспарова: *«У меня в стеллаже и в книжных шкафах стоят 35 книг М.Л. с его дарственными надписями. В моей домашней библиотеке гаспаровская полка (не считая необозримой пастернаковской и включающих полные собрания сочинений полки Диккенса, Пушкина, Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова) – самая длинная»* [Там же, 468] и далее Баевским названы все 35 книг, с подписью от Гаспарова, и коротко прокомментированы.

В литературном портрете объектом является личность современника. Баевский не ставит перед собой цель подробно изложить биографию человека, о котором он пишет, для него важна личность портретируемого. При этом отметим, что наиболее подробная биография в литературном портрете Македонова, ибо представляет собой синтез – биографию и автобиографию. Литературный портрет Бухштаба включает в себя, по большей части, автобиографию, что передана Баевским на основе цитат из писем от Бориса Яковлевича. А вот биографии Лотмана, Гаспарова, Гинзбург и Рейсера кажутся малоинформативными – в них элементы биографии можно лишь уловить. Нами не случайно употреблено слово «кажутся», ведь буквально в одном предложении Баевский может обозначить не только основные моменты жизни портретируемого, но и подвести некий итог: *«...когда я думаю о Ю.М., об этом человеке, который пережил войну, демагогические обвинения, обыски, гонения, бедность, поднял большую семью, стал лучшим знатоком Пушкина и его эпохи, русской*

культуры XVIII–XIX вв., ввел в науку о литературе структурно-семиотические методы и стал одним из создателей этого направления, об этом ученом, который в науке был не только исследователь, но и художник <...> мне снова и снова приходит на ум одно из основных понятий философии Бергсона – *élan*. То есть единый могучий прекрасный жизненный порыв, *élanvital*» [Там же, 346].

Каждый образ выстраивается Баевским из разрозненных воспоминаний и впечатлений, наполненных деталями, которые мало кому известны. Так, например, в литературном портрете Македонова Баевский рассказывает о том, как у них планировалась совместная работа, на которую Адриан Владимирович «соблазнил» Баевского, где Македонову «отводилась роль капитана» [Там же, 458], а его коллеге – «юнга» [Там же].

Литературные портреты представляют собой сплетенное между собой собрание своеобразных житейских эпизодов, случаев, свидетелем и слушателем которых был филолог. Таким образом, мы можем говорить, что обязательным элементом структуры всех литературных портретов Баевского является «table-talk», как определяет сам ученый, – «забавные происшествия, свидетелем или участником которых был, о которых слышал от заслуживающих доверия людей» [Там же]. Один из ярких примеров «table-talk» – приглашение Л.Я. Гинзбург Баевского в гости: *«...подходя к квартире, на лестнице, я почувствовал запах горелого. Я слегка обеспокоился и поскорее позвонил. Когда Л.Я. отворила мне дверь, в квартире возле ламп плавал дым. Чтобы угостить меня салатом, Л.Я. варила два яйца, зачиталась, забыла о них, вода выкипела, кастрюля испортилась, а яйца взорвались. Осколки их разлетелись по всей кухне. Там, куда они упали, они прожгли дерево, пластмассу, материю. Я никогда не думал, что обыкновенные куриные яйца столь взрывоопасны и могут наделать так много беды. Мой визит начался с того, что я решительно взял тряпку, смахнул осколки с подоконника и кухонной мебели, потом взял веник и совок и подмел пол»* [Там же, 399].

Еще раз повторим, в основе литературного портрета лежит установка на личность, т. е. Баевский выстраивает свою концепцию личности каждого портретируемого. И в основе этой концепции – представление о портретируемом как о человеке и как о творце (писателе, ученом, общественном или культурном деятеле), т. е. получается некий образ человека-творца, имя которого никогда не будет забыто – *«М.Л. умер после долгой мучительной болезни в реанимации, без сознания, в три часа дня 7 ноября 2005 г. А можно сказать иначе: в три часа дня 7 ноября 2005 г. для М.Л. Гаспарова началось бессмертие»* [Там же, 483].

Важнейшим способом создания литературного портрета у Баевского являются положительные по своей эмоциональной окраске портретные характеристики. Баевскому интересен пластический облик чело-

века: его внешность, мимика, жесты, а также манера говорить: *«Б.Я. был человек живой, любил “легкую поэзию” во всех ее проявлениях и с удовольствием читал наизусть стихи обэриутов, басни Эрдмана и Вл. Массы, увлеченно рассказывал об этих людях»* [Там же, 382]. Но самое главное в литературных портретах, конечно, не столько внешнее, сколько внутреннее содержание портретируемого, его характер, особенности личности. Например: *«Органическая скромность Б.Я. проявлялась в том, что он крайне низко ценил, а чаще просто не замечал свое сочувствие и помощь другу, и многократно переоценивал сочувствие и помощь своих друзей»* [Там же, 389]; *«в нем (Рейсер) зримо выступают пленительные особенности: человечность, принципиальность, скромность, ранимость»* [Там же, 413].

Главная особенность литературных портретов Баевского – оценка не только произведений портретируемых, но и их личностных, человеческих, житейских качеств. Из многообразных выделенных Баевским качеств в каждом литературном портрете есть основное, связывающее портретириста и портретируемого – умение дружить. *«Он (Бухштаб) строил дружбу только на основе полного равенства, а чувство благодарности, которое он испытывал при малейшем проявлении дружеского участия, было несоразмерно велико»* [Там же, 389]. Мотив дружбы подтверждается не только личными воспоминаниями, но и цитатами из писем, что показывают отношение портретируемого к автору портрета: *«Я хочу сказать Вам, что я благодарен судьбе, которая дала мне знакомство и дружбу с Вами: я не сомневаюсь в ее полноценной искренности и, так сказать, чистоте. Я очень ценю Ваши человеческие качества и Вашу исключительную и разнообразную одаренность. И говорить с Вами и читать Вас – настоящая радость. Пусть же она продлится как можно дольше»* [Там же, 411]. При этом Баевский всегда скромно уточняет – *«мой друг многократно преувеличивал мои достоинства»* [Там же, 411].

Стоит заметить, что в отборе и характеристике черт героя портрета ярко проявляется личность самого Баевского, его умение «вглядываться» и подмечать детали. Так, например, ученый выделил пять основных компонентов научного мышления Лотмана (исторический подход; синхронный структурно-семиотический анализ; метод интуитивного угадывания; путь художественного вживания в эпоху и ее деятелей; нравственный императив [Там же, 341]). Отметим, что личность Баевского, хоть и отодвигается на задний план, но, тем не менее, факты и его биографии находят отражение в портретах, поскольку необходимы для изображения других людей.

Так, Баевский рассказывает, что при организации защиты Гаспарова пригодились его рецензия (на «Современный русский стих»), а потом продолжает *«меня и позже, при выдвижении его на какие-то премии и в*

Академию наук, просили написать характеристику его научной деятельности в области теории стиха; я несколько раз делал это с большой радостью» [Там же, 466]. Баевский не стесняется вступать в споры со своими портретируемыми, нередко на страницах «Романа...» он приводит развернутые примеры дискуссий, анализирует чужие произведения с точки зрения филологии, культурологи, и дает общую характеристику и оценку их творчества, честно признаваясь «я не становлюсь в позу судьи, точно знающего меру правоты <...> Я просто высказываю свое мнение» [Там же, 451]. В качестве примера приведем эпизод дискуссии Баевского с Македоновым: «Однажды в Петербурге мы с ним сцепились в длинном споре о художественном образе. Он настаивал на том, что в художественном произведении все – образ, все – отображение личности автора и стоящей за нею объективной реальности. Но ведь образ не может быть только отвлеченным, в нем непременно должен присутствовать момент чувственного восприятия, поинтересовался я. А.В. подтвердил это азбучное положение» [Там же, 449]. Передавая свое восприятие творчества писателя, Баевский, как правило, выделяет одно (или же несколько), знаковое произведение, отражающее суть научной жизни портретируемого.

Нередко на страницах «Романа...» при разговоре о портретируемом возникают имена и других представителей словесного искусства, образуя собой некий фон, на котором максимально четко выступает личность героя портрета. Так, например, в литературном портрете Бухштаба Баевский активизирует в памяти читателя имена Пастернака, Маяковского, Мандельштама, Ахматовой и Каверина: «Б.Я. мне рассказал, что он приехал в Москву, принес Пастернаку свою рукопись, а потом пришел второй раз за ответом. Пастернаку работа не понравилась, он не выразил желания писать статью и способствовать опубликованию книги; тогда она опубликована не была» [Там же, 378] (отметим, что Баевский работу назвал «без преувеличения блестящей» [Там же, 378]). Конечно, привлекая в литературный портрет такой ряд имен, филолог преследовал лишь одну цель – вовлечь портретируемого, а вместе с ним и читателя в историко-литературный контекст современной ему эпохи.

Важной особенностью повествования в литературных портретах, созданных Баевским, оказывается наличие в нем нескольких контекстов – судьбы, творчества, времени. В двух из шести литературных портретов помимо обращения к прошлому и описанию настоящего, намечено и будущее время, которое в интерпретации Баевского сродни мечтам. Говоря о Лотмане, Баевский пишет, что Лотман – «один из тех ученых, которым ставят памятники. Перед Тартуским университетом будет стоять памятник Лотману. Только вот когда? Только вот что на нем напишут?» [Там же, 337]. Или же о Бухштабе – «Когда-

нибудь скажут и напишут о Б.Я. и круге его друзей больше, чем я. Думаю, что определяющим при оценке их этики должно быть понятие надежности» [Там же, 388].

Серия литературных портретов позволила ученому показать связь человека и эпохи. Баевскому было важно подчеркнуть отношение к своим портретируемым литературной и научной общественности, которая изображается в том виде, в каком она была – без купюр цензуры: «...31 марта 2000 года в наших замечательных “Известиях” появляется статья, которая забрасывает комьями грязи дело Лотмана и его имя <...> Конечно, есть злобные завистники, человеконенавистники, которым слава великого человека не дает покоя <...> Не так много у нас сейчас великих людей, великих ученых, признанных всем миром. Не так много безусловных достижений. Но когда кто-то или что-то появляется, мы тут же спешим его опорочить. Воистину знак беды <...> Грустно. Грустно за нас, не за Лотмана. Мертвым не больно» [Там же, 371].

Важное место в созданных литературных портретах принадлежит разнообразным изобразительно-выразительным средствам. Среди наиболее превалирующих отметим эпитеты, сравнения, метафоры. Так же Баевский применяет стилистические фигуры – риторические вопросы, восклицания. В нескольких портретах Баевский характеризует личность и творчество портретируемого в афористичной манере: «Мне хочется тут по-новому осмыслить старое выражение *comeilfaut*. Б.Я. был человек *comeilfaut* в этом новом смысле» [Там же, 388]. Афоризмы ученого придают портретам особую выразительность, а также способствуют постижению читателем смысла представленного литературного портрета, воздействуют на его эстетическое чувство. Баевский вызывает в памяти читателей не только древние афоризмы, но и использует в литературных портретах стихотворные строки.

Наиболее интересен для выделения прием аналогий и параллелей. Так, например, кафедру Лотмана в Тартуском университете Баевский сравнивает «с таким явлениями культуры, как *Театр на Таганке* Ю. Любимова, как “Новый мир” Твардовского» [Там же, 339], а самого Лотмана представляет как «партизана Отечественной войны 1812 г. – одаренного литератора – раннего предшественника декабристов» [Там же, 343]. В литературном портрете Бухштаба нами выделен еще один прием – обращение к авторитетному мнению и создание на его основе параллели. Приведем пример: «Лев Толстой говорил, что человек подобен дроби, у которой числитель – то, что человек собою представляет в действительности, а знаменатель – то, что он о себе думает. Б.Я. был большой человек, потому что числитель его был велик, а знаменатель необыкновенно мал» [Там же, 392].

Мы находим уникальным, что практически в каждом литературном портрете (за исключением литературного портрета М.Л. Гаспарова) встречается метафорическое изображение личности. Наиболее ярким представляется изображение Лотмана: *«Лотман единственен. Это чудо. Это великий дар, полученный нами. Мы храним и будем хранить память о нем. Он единственен. Другого не будет. Он один из героев науки»* [Там же, 337]. Это метафорическое изображение является вступлением в главе о Лотмане и призвано, на наш взгляд, с самого начала подчеркнуть восхищение автора статьи личностью портретируемого, а эпитеты, используемые Баевским в данном контексте, еще больше усиливают его благоприятную оценку Лотмана.

Выделенные нами художественные приемы, используемые Баевским, находятся в постоянном взаимодействии и подчинены главной цели – созданию полноценного и разностороннего образа героя литературного портрета.

Таким образом, проанализировав шесть литературных портретов из главы «Филологи» «Романа одной жизни» В.С. Баевского, можно отметить, что ученый, опираясь на личные воспоминания, непременно нашедшие отражение в его архиве (представленном письмами, дневниковыми записями), создает собственную концепцию характера каждой из личностей. Исходной сюжетной ситуацией оказывается «новое» знание о человеке, которое рождается из ряда мотивов – мимолетного сообщения о биографических фактах, переданных самим портретируемым или с его слов Баевским; синтезе человеческих и профессиональных качеств портретируемого, изображении разнообразных по сюжету эпизодов из жизни. Так, литературные портреты, созданные Баевским, отвечают основной цели портрета – создание художественного образа портретируемой личности.

Приложение

Структурные блоки литературного портрета

Название композиционного блока		Литературный портрет	Пример
Метафорическое изображение личности	Открывает повествование	Лотман	«Лотман единственен. Это чудо. Это великий дар, полученный нами. Мы храним и будем хранить память о нем. Он единственен. Другого не будет. Он один из героев науки» [Баевский, 2007, 337]
	Вплетается в повествование	Лотман, Бухштаб,	«И вот после моего доклада на конференции учреждение под

			Гинзбург, Рейсер	названием Бухштаб подошло ко мне, заговорило неожиданно высоким голосом и предложило обменяться адресами» [Там же, 373]
	Завершает повествование		Македонов	«Но может быть, этот заключительный раздел главы даст некоторое представление о негуманных интересах моего покойного друга. А может быть, он побудит любознательного читателя продолжить и исполнить труд, некогда задуманный смоленским Сократом» [Там же, 463]
Концепция личности	История знакомства (время дружбы)		Все	«Я познакомился с Б.Я. на большой научной конференции в Коломне под Москвой в феврале 1968 года» [Там же, 372] «Оглядываясь на шестнадцать лет дружбы с Б.Я. ...» [Там же, 387]
	Биография	Рассказана Баевским	Лотман, Гинзбург, Рейсер, Македонов, Гаспаров	«Я всегда помнил, что передо мною сидит та самая Л.Я., которая когда-то приехала из Одессы в Петроград и принесла свои стихи Гумилеву (она мне рассказывала, что одно из стихотворений Гумилев выделил, но она все равно сразу поняла, что писать стихи – не ее судьба); которая гуляла по Петрограду с Мандельштамом; которая говорила с Маяковским о Пастернаке и регулярно общалась с Ахматовой» [Там же, 401]
		Рассказана портретируемым	Бухштаб, Рейсер, Македонов	«Я родился в дни русско-японской войны, помню Первую мировую, гражданскую (мы все поголаживали), мы пережили 37 и 49 год, Вторую мировую – не много ли для одного поколения!?» [Там же, 412]
	Портрет		Все	«Умный, добрый, глубоко чувствующий, мужественный, самостоятельно мыслящий, книгу любивший интимно, обладавший огромной эрудицией, работающий, жизнь проживший в опьянении

			литературой, поэзией, возлюбивший дух мира и его плоть. Таков он был» [Там же, 408]
	Сфера интересов	Все	«Его темы – творчество Пушкина, Белинского, Гоголя, Чернышевского, Добролюбова, значительного числа советских писателей, Пруста, Селина, Барбюса. Значительное место занимала смоленская литературная жизнь» [Там же, 434]
	Параллели и сравнения	Лотман, Бухштаб, Гинзбург, Рейсер, Македонов	«Лев Толстой говорил, что человек подобен дроби, у которой числитель – то, что человек собою представляет в действительности, а знаменатель – то, что он о себе думает. Б.Я. был большой человек, потому что числитель его был велик, а знаменатель необыкновенно мал» [Там же, 392].
	Труды	Все	«Год за годом стали появляться его статьи и книги, создавшие всеобъемлющую картину истории русской стихотворной речи, а затем и европейского стихосложения – “Современный русский стих: Метрика и ритмика” <...> Персональная библиография Гаспарова за последнее десятилетие, к сожалению, отсутствует. Между тем, при высоком уровне и обилии его трудов она остро необходима» [Там же, 464–465]
	Творческий метод	Лотман, Бухштаб	«Он требовал строгой адекватности выводов исходным данным» [Там же, 377]
История без цензуры	Эпохи	Бухштаб, Македонов	«Сперва А.В. бесстрашно защищал Твардовского, потом, оказывается, после его ареста Твардовский публично встал на его защиту. Случай неслыханный, так как заступничество за “врага народа” должно было немедленно повлечь за собой безжалостную расправу» [Там же, 436]

	Науки		Лотман, Бухштаб, Гинзбург, Гаспаров	«60-е гг. и начало 70-х были эпистолярным периодом науки о стихе в нашей стране. В филологических изданиях нас публиковали с неохотой. Изучение стихотворной речи на языке идеологических вертухаев, на зарплате и добровольных, называлось формализмом. А сам по себе формализм почти что приравнивался к государственной измене. Поэтому нам приходилось обмениваться научными идеями главным образом в устных беседах и письмах» [Там же, 466]
Личный архив Баевского	Письма	от адресата	Лотман, Бухштаб, Гинзбург, Рейсер, Македонов, Гаспаров	«У меня сохранилось 16 ее писем...» [Там же, 397]
		об адресате	Рейсер, Гаспаров	«Разговор с Лотманом: Не могу этого понять. Я и теперь, когда стою на пороге дома кого-нибудь из тех, кого считаю своими учителями, как, например, Соломона Абрамовича Рейсера, внутренне собираюсь и подтягиваюсь» [Там же, 412]
	Тэйбл толк		Все	«Я рассказал Б.Я. о нападках, которым подвергся у себя в институте. – Да, – вздохнув, сказал Б.Я. – в Саратове раньше было довольно много верблюдов. Я удивленно взглянул на него. – А дальше на восток их было еще больше, – продолжал он между тем. – Случается, что верблюды плюются. Ну что поделаешь? Считайте, что в вас плюнул верблюд. Мое дурное настроение как рукой сняло» [Там же, 391]
	Элементы своей биографии		Все	«В 1972–1973 гг. я кончал докторскую диссертацию о стихе русской

			советской лирики периода оттепели 1956–1965 гг. Вся она выполнена на статистике...» [Там же, 440]
Отступление	Философия	Лотман, Рейсер, Македонов, Гаспаров	«Что заставляло молодых людей после только что завершившейся мировой войны уходить на две с половиной тысячи лет от окружающей их жизни? И в беспристрастную теорию стихотворной речи? В нас крепко сидело ощущение собственной ущербности, и мы чувствовали себя в противостоянии остальному миру, отщепенцами» [Там же, 478]
	Взгляд в будущее	Лотман, Бухштаб	«Перед Тартуским университетом будет стоять памятник Лотману. Только вот когда? Только вот что на нем напишут?» [Там же, 337]
Отношение	Баевского	Все	«С каждым из друзей, которых мне пришлось потерять, увы, немало, умирало что-то и во мне. Мне хотелось продлить общение с С.А. в моих чувствах, мыслях, словах» [Там же, 412]
	к Баевскому	Все	«Я прекрасно понимаю, что мой покойный друг многократно преувеличивал мои достоинства и не замечал густых теней. На то дружба и существует» [Там же, 411]
Филологический обзор		Рейсер	«Напомню, что 23-й том Полного собрания сочинений Достоевского в 30-ти томах содержит “Дневник писателя” за май – октябрь 1876 г. Центральный здесь узел проблем – русское самосознание, русская всецеловечность <...>» [Там же, 410]
Споры и дискуссии		Лотман, Бухштаб, Гинзбург, Рейер, Македонов	«Она подарила мне свою книгу “Человек за письменным столом” (Л., 1989), я во время отпуска внимательно ее прочел и сообщил свои впечатления Л.Я. Оценка, разумеется, была высокой <...> я указал на один недостаток, как мне казалось, философской части

			книги: Л.Я. не учитывала, как не учитывают у нас обычно, что культура – это не просто система знаний, духовных и материальных ценностей <...> культура – это прежде всего система ограничений, исторически выработанных обществом <...> Вот ответ Л.Я. “Пожалуй, это не вполне справедливо...”» [Там же, 404]
Совместная работа		Рейсер, Македонов	«...С.А. предложил мне осуществить одну совместную работу <...> Мы написали статью под заглавием, придуманным С.А.: “Объявляется всесоюзный розыск”. В ней мы собрали все известные нам факты, которые могли бы помочь кому-нибудь из более удачливых коллег в атрибуции стихотворения...”» [Там же, 426]
Цитация	В тексте	Лотман, Бухштаб, Гинзбург	«Очень старый латинский афоризм demortibusautbene, autnihil (перевод: поминай мертвого добром или не говори о нем ничего) мне хочется сегодня немного переиначить: demortibusautveritas, autnihil» [Там же, 337]
	Концовка	Лотман	Мертвым не больно [Там же, 371]

ЛИТЕРАТУРА

- Баевский В.С. Роман одной жизни. СПб.: Нестор-История, 2007. 542 с.
- Барахов В.С. Литературный портрет: Истоки, поэтика, жанр. Л.: «Наука», 1985. 314 с.
- Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л.: Худ. лит., 1977. 443 с.
- Громова А.В. Жанровые разновидности литературного портрета в наследии Б.К. Зайцева / Вестник ТГУ, выпуск 7 (63), 2008. С. 108–113.
- Егоров Б.Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры, композиция, стиль. Л.: 1980. 316 с.
- Журбина Е.И. Теория и практика художественно-публицистических жанров. Очерк. Фельетон. М.: Мысль, 1969. 399 с.
- Затеева Т.В. Литературный портрет конца XIX – первой половины XX века: внутрижанровая типология / Т.В. Затеева, О.А. Айкашева. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2016. 144

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стлб.

Поляков М.Я. В мире идей и образов. Историческая поэтика и теория жанров. М.: Сов. писатель, 1983. 367 с.

Уртминцева М.Г. Литературный портрет в русской литературе второй половины XIX века. Генезис, поэтика, жанр. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. 232 с.

Щеглов М. Литературная критика. М.: Худлит, 1971. 430 с.

Краткая литературная энциклопедия. URL: <http://www.bookposter.ru/encliteratura/290080.htm#XLH8ECLVLcs> (дата обращения: 27.03.2019)

Yu.S. Bazyleva

Smolensk State University

Smolensk, Russia

**«RIPPING AT THE RESERVATION OF A PIECE OF LIFE»:
LITERARY PORTRAITS OF PHILOLOGISTS
(on the basis of F “The novel of one life” by V.S. Bayevsky)**

Key words: V.S. Baevsky, «*The Romance of One Life*», literary portrait, diary, memoirs.

The article analyzes the creative heritage of the professor of Smolensk State University V.S. Baevsky (1929–2013). On the basis of the «Philologists» part of «The novel of one life», Baevsky made an attempt to systematize and analyze literary portraits of scholars and contemporaries of the Smolensk philologist for the first time. He created the literary portraits of Yu.M. Lotman, B.Ya. Buchstab, L.Ya. Ginzburg, S.A. Racer, A.V. Makedonova, M.L. Gasparov. Portraits are formed on the basis of Baevsky's diary entries, which were made immediately after meetings with colleagues.

The article briefly reviewed the history and theory of the literary portrait genre. Compositional blocks similar to the indicated literary portraits are outlined, and those that constitute an exception are noted.

Attention is also paid to graphic expressive means prevailing on the pages of the third part of the «Novel of One Life»: epithets, comparisons, metaphors, analogies, aphorisms.

REFERENCES

- Baevsky, V.S. *Romance of one life*. SPb.: Nestor-History, 2007. 542 p.
- Barakhov, V.S. *Literary portrait: Origins, poetics, genre*. L.: Science, 1985. 314 p.
- Ginzburg, L.Ya. *About psychological prose*. L.: Hood. Lit., 1977. 443 p.
- Gromova, A.V. *Genre variations of the literary portrait in the heritage of B.K. Zaitseva / TSU Bulletin, Issue 7 (63), 2008. P. 108–113.*
- Egorov, B.F. *On the mastery of literary criticism. Genres, composition, style*. L.: 1980. 316 p.
- Zhurbina, E.I. *Theory and practice of artistic and journalistic genres. Feature article. Feuilleton*. M.: Thought, 1969. 399 p.

Zateeva, T.V. *Literary portrait of the late XIX – first half of the XX century: intragenre typology* / TV Zateeva, O.A. Aykashev. – Ulan-Ude: Buryat State University Publishing House, 2016. 144 p.

Literary encyclopedia of terms and concepts / ed. A.N. Nikolyukina. Institute of Scientific. Information on Social Sciences RAS. M : NPK "Intelvak", 2001. 1600 p.

Polyakov, M.Ya. *In the world of ideas and images. Historical poetics and theory of genres*. M.: Owls. writer, 1983. 367 p.

Urtmintseva, M.G. *Literary portrait in Russian literature of the second half of the XIX century. Genesis, poetics, genre*. Nizhny Novgorod: UNN Publishing House, 2005. 232 p.

Shcheglov, M. *Literary criticism*. M.: Hood. Lit. 1971. 430 p.

Brief literary encyclopedia. URL: <http://www.bookposter.ru/encliteratura/290080.htm#.XLH8ECLVLcs> (appeal date: 27.03.2019)